

Екатерина Белянская

*Молитва
восьмилетней*

Екатерина Белянская

Молитва восьмилетней

«Автор»

2026

Белянская Е.

Молитва восьмилетней / Е. Белянская — «Автор», 2026

Это история о ребёнке, который слишком рано столкнулся с болью взрослого мира - но не сломался. Восемь лет, страх, одиночество и молитва, ставшая единственной нитью, связывающей её с надеждой. Книга написана по реальным событиям без вымысла, без прикрас. В ней - правда о том, как хрупкое детское сердце пытается защитить того, кого любит больше жизни. О том, как вера рождается не в радости, а в темноте. И о том, как через годы эта молитва находит ответ - не так, как ждёшь, но именно так, как нужно. Для тех, кто верит, что даже самый тихий голос может изменить судьбу.

© Белянская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
Введение	6
Глава 1. Первая настоящая молитва	7
Глава 2. Материнская любовь маленькой девочки	8
Глава 3. Маленькие чудеса	10
Глава 4. Первое серьёзное решение	12
Глава 5. Без билета	13
Глава 6. Отпечаток	15
Глава 7. Урок доверия	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Белянская

Молитва восьмилетней

Эпиграф

Иногда жизнь сжимается до одного слова: «Помоги». Иногда мир гремит как буря, а ответ приходит тишиной. Иногда мы ищем Бога в небе — а находим Его в себе .

Введение

Эта книга родилась не из идеи, а из крика. Из детской комнаты, где молитва впервые вырвалась сквозь страх. Из взрослой тишины, где тьма подступала так близко, что оставалось только довериться. Из мгновения, в котором мир внезапно задержал дыхание — и открылся изнутри.

Я не обещаю простых ответов. Здесь нет чужих рецептов. Есть путь. Шаги на ощупь. Слезы, которые обжигают и исцеляют. Воспоминания, которые ранят и возвращают к жизни.

Эта книга — не о том, как стать «правильным». Это рассказ о возвращении к себе. О том, как писать свою историю, пока руки дрожат. О том, как слово за словом вытаскивает камни со дна души. О том, как благодарность учит жить заново — без войны с прошлым и без бегства от настоящего.

Если вы когда-нибудь молчали, потому что было слишком больно говорить — вам сюда. Если вы когда-нибудь шептали в пустоту — и вас услышали — вы узнаете этот голос. Если вы давно ищете вход в собственную тишину — возможно, эти страницы станут дверью.

Остальное — случится по мере чтения. Там, где заканчиваются определения, начинается Истина. И, может быть, вы тоже однажды заметите: Бог — не снаружи. Он — в вашем «я». И любовь к Нему — это любовь к себе, к миру, к каждой живой капле света внутри вас.

Глава 1. Первая настоящая молитва

Ей было всего восемь. Совсем ещё ребёнок — хрупкая, маленькая, беззащитная. Но сейчас в её глазах горел не детский испуг, а бездонный ужас. Колени больно впивались в пол, от холода ставшим каменным, и девочка припала перед старой иконой. Краска давно облупилась, дерево потемнело, но взгляд, обращённый к небу, светился и оставался живым, будто Бог действительно смотрит прямо в глаза. Казалось, он видел её. Видел и всё понимал. И в этом взгляде она искала ответ — хватит ли у Бога сил защитить маму от смерти.

Она молилась. Нет, вырывала мольбу из самого сердца, словно выдыхала душу по кусочкам. Каждое слово обжигало, а дыхание ломалось, превращаясь в отчаянную просьбу.

— Боже... пожалуйста... — губы едва слушались, дрожали, будто их сковал холод. — Только не забирай её, не забирай...

Слёзы катились по щекам, пальчики были сцеплены так крепко, что кожа побелела, а ногти врезались в ладони. Все тело охватила дрожь: маленькие плечики тряслись, сердце колотилось так громко, что гул отдавался в ушах.

Почему ребёнок в восемь лет молится о таком? Потому что минуту назад перед глазами была сцена: отчим с мутным взглядом, запах дешёвого алкоголя, грохот удара, мамино лицо, перекошенное болью, кровь на полу. Крик, пронзивший, как нож. Она пыталась остановить их, тянула за руку, просила, плакала. Но её никто не слышал. В шуме и тяжёлом воздухе не было места для голоса ребёнка.

Побежала прочь, не оглядываясь. Сквозь шум и тяжесть, сквозь жуткий страх. И вдруг — тишина. Дом встретил странным покоем: белая тюль колыхалась на сквозняке, жёлтые шторы мерцали в мягком свете, будто здесь никогда не было беды. Но ощущение мира до неё почти не доходило. Взгляд впился только в икону над окном.

Маленькая фигура рухнула перед ней, искренне веря, что от этой доски, от этого взгляда зависела сама жизнь.

Шёпот сорвался в беззвучный крик — слова ломались о тишину, дыхание рвало горло. Она взывала так, что сама душа вырывалась наружу.

Казалось, если Бог не услышит сейчас — мамы не станет. И тогда собственная жизнь потеряет смысл в этом мире. Готовая отдать всё — свою детскую радость, свои игры, свои сны, лишь бы мама осталась жива.

Потом, много лет спустя, именно этот момент всплывёт в памяти. Как сердце вынималось из груди, как слёзы падали на пол, как дрожали колени от отчаяния и веры. Вспомнит его не потому, что это был её первый страх, а потому, что это была её первая настоящая молитва.

И с этого начнётся история — о девочке, которая училась выживать в мире, где любовь и боль шли рука об руку.

Глава 2. Материнская любовь маленькой девочки

Когда у сестры родилась дочка, в сердце проснулось что-то огромное и новое. Казалось бы, это не её ребёнок, но именно тогда она впервые испытала настоящую материнскую любовь.

Мир будто растворился, потеряв свои очертания. Всё привычное — утро, школа, уроки, домашние хлопоты — стало незначительным шумом на фоне одного — единственного центра притяжения: крошечного создания, вокруг которого теперь вращалась вся вселенная.

Вечером, когда приходило время уходить, сердце сжималось от боли. Малышка чувствовала это: тянула ручки, цеплялась изо всех сил, плакала так пронзительно, будто понимала — совсем скоро останется без тепла, которое стало для неё всем. Эти минуты были похожи на маленькие смерти, повторяющиеся снова и снова.

Бабушка и прабабушка наблюдали за их особенной связью. Они старались смягчить боль разлуки, придумывали игры, рассказывали смешные истории, лишь бы отвлечь ребёнка от неизбежного момента.

Дни шли, и всё вокруг перестало иметь значение. Но стоило лишь увидеть знакомые глаза, как внутри загоралась тихая, но неугасимая радость.

Так проходили месяцы. Девочка росла, а вместе с ней росла и связь, которую невозможно было объяснить словами. С каждым днём всё отчётливее звучала мысль, пробиваясь сквозь повседневность:

«Это и есть моя жизнь!».

Наступил день, когда её любовь проявилась всем существом — и действием, и верой..

Был поздний зимний вечер. Тишина за окнами казалась густой и неподвижной, как снег, укрывший улицы. В комнате пахло ужином и детским теплом. Она сидела у сестры, прижимая к себе племянницу, и наслаждалась этими минутами счастья.

До тех пор, пока не хлопнула входная дверь. Он вернулся. В трезвом виде — человек обыкновенный, временами даже доброжелательный. Но стоило алкоголю коснуться крови — и словно кто-то другой занимал его тело. В тот вечер перешагнул именно тот, кого она боялась больше всего.

Сначала молча опустился за стол, шумно отодвинув стул. Ел, не глядя ни на кого, наливал себе снова и снова. Сёстры переглянулись — слишком хорошо знали невидимую черту, за которой начинается хаос. И она была совсем рядом.

Атмосфера в комнате сгущалась. Скулы мужчины задвигались, словно внутри запустился механизм; глаза налились тёмной злобой, кулаки сжались так сильно, что хрустнули кости. Черты лица исказились, и перед ними больше не стоял знакомый человек — лишь холодная маска ярости.

Он резко вскочил. Одним движением схватил сестру за горло. Пальцы на её шеи сжимались всё сильнее. Вены на его руках вздулись, лицо покраснело от безумной злобы.

Мир вокруг на секунду застыл. Всё исчезло: стены, шум, даже дыхание. Внутри что-то сорвалось. Страх вспыхнул — яркий, ледяной, мгновенный. Но следом поднялось другое: мощная волна ярости, первобытный инстинкт защитить. Не существовало «можно» или «нельзя». Оставалось лишь действовать.

Она кинулась к мужчине, схватилась за руку, пытаясь разжать стальные пальцы. Он рванулся, оттолкнул её так, что спина глухо ударилась о стену. Воздух вырвался из лёгких, но не остановилась. Напротив — поднялась с новой силой.

Сделала шаг вперёд, не чувствуя боли. В висках гулко пульсировала, а внутри повторялось: «Не позволю».

В этот миг ребёнок пронзительно заплакал. Мужчина дёрнулся, инстинктивно ослабил хватку, и сестра, судорожно втянув воздух, смогла выдохнуть одно-единственное слово:

— Беги!

Их взгляды встретились — коротко, но так, что всё стало ясно — это приказ.

В долю секунды вырвалась наружу, схватила огромную мужскую куртку, сунула туда дитя, завернула как могла и выбежала в ночь.

На улице стоял лютый мороз. На ней — ночная рубашка, тапочки, голые руки, которые уже немели от холода. Но этого не чувствовалось — только бег через снег и ледяной воздух, с драгоценным свёртком, прижатым к груди.

В голове крутилось одно: «Спасти. Уберечь. Донести». Ей казалось, если остановится хоть на секунду, отступит хоть на один шаг — потеряет самое важное.

До бабушкиного дома оставалось недалеко. Её ноги, будто, не касались земли. Вбежав в дом, сбивчиво заговорила: «Сестре нужна помощь! Там страшное...» Взрослые не раздумывали — бросились на помощь.

А она осталась с маленькой крохой на руках. Уложила рядом, успокаивая шёпотом, гладила по волосам, пока девочка не заснула сладким и крепким сном. И только когда дыхание ребёнка стало ровным, к ней вернулась возможность думать о том, что происходит там, с сестрой.

Воображение рисовало картины, одна страшнее другой. Беспомощность рвала изнутри. Спрятав лицо в подушку, сотрясаясь от плача. Слезы душили, всему телу было больно от сдерживаемых рыданий. Слова рвались наружу — отчаянные, искренние, полные силы и веры.

«Боже, сохрани её. Спаси сестру». Она повторяла их до тех пор пока не уснула с тихим шепотом на губах. Это была молитва ребёнка, но в ней звучала вся сила материнской любви, которая уже жила в ней.

А утром пришла весть: сестра жива. Раны, синяки, боль — всё это было. Но жизнь осталась. Сердце наполнилось благодарностью до краёв. Где-то там, высоко, её действительно услышали.

Осознание

Материнская любовь приходит не тогда, когда ты становишься взрослым, а когда душа впервые говорит громче возраста. И ещё ребёнком я почувствовала, что с верой и молитвой, могу быть опорой. Эта сила не требовала опыта — только открытого сердца. И с того момента невозможное перестало пугать.

Глава 3. Маленькие чудеса

Случалось многое, мелькали мгновения — крошечные, но удивительные. Стоило искренне пожелать чего-то в глубине души, и это каким-то образом начинало сбываться.

Восприятие мира всё время колебалось: то каждая мелочь казалась значительной, то вдруг теряла вес и превращалась в пустяк. Взрослые были заняты собственными заботами, и в их суете не оставалось места детским мечтам. Зато вечерами, когда улицы замирали, открывался другой, потаённый мир — личное пространство, где возможно всё.

Маленькая комната превращалась в целую вселенную. Лёжа в постели, она закрывала глаза и позволяла мыслям свободно скользить вдаль — туда, где не существовало бедности, ссор и тревог. Там ждали тёплые слова, добрые взгляды, лёгкие шаги навстречу. И в этом воображаемом мире всегда находилось то, чего не хватало днём.

— А вдруг это всё правда случится? — шептала себе, укутавшись в одеяло.

— Может быть, не завтра... но когда-нибудь?

И удивительным образом мир отвечал.

Утром происходили, казалось бы, незначительные вещи, но для ребёнка они имели огромное значение: случайный взгляд или мимолётная улыбка, короткая фраза — и всё это будто было адресованная лично ей. Иногда совпадало с вечерними мыслями так точно, что она замирала от изумления.

— Но как так? — спрашивала себя. — Я ведь только вчера об этом думала. Неужели кто-то услышал?

Ответа не было. Оставалось лишь ощущение невидимой нити, связывающей мечты с реальностью.

Желания были до смешного простыми: хотелось, чтобы позвали в игру — и зов звучал почти сразу. Мечталось, о похвале учительницы за сочинённый стих и слова поддержки прилетали в тот же день.

Двор жил своей шумной жизнью: игры, беготня, дразнилки. Она ловила себя на мысли: «Хочу, чтобы именно он побежал за мной» — и в ту же секунду слышались быстрые шаги за спиной. Сердце подпрыгивало от восторга, подтверждая: это работает. Объяснить происходящее было невозможно — лишь чувствовать.

— Может, это просто игра?

— Или я выдумываю?

Но ведь совпадает... слишком часто, чтобы быть случайностью.

С каждым разом становилось труднее не верить.

Каждый отклик становился тайным чудом, спрятанным глубоко внутри, как драгоценность. Хранила их в себе, не решаясь рассказать кому-либо. Ведь она помнила жёсткую реакцию взрослых на свои слова, что они в доме не одни.

Достаточно представить, подумать о хорошем — и однажды что-то в мире отзывалось. Не сразу, не буквально, но по-своему и обязательно.

Но если желание было пустым, капризным — всё рушилось, словно рассыпавшийся песок. Возникал немой вопрос:

— Почему так? Почему одно исполняется, а другое нет?

Прошли годы, многое растворилось в памяти. Но ощущение той связи, того отклика осталось. Нечто невидимое соединяло детские мечты и реальные события. Названия этому так и не нашлось — да оно и не требовалось. Гораздо важнее было другое: вера в то, что в мире действительно есть место маленьким чудесам.

Осознание

Желания не кричат — они шепчут из глубины души. Если замедлиться и услышать этот шёпот, можно почувствовать, как реальность мягко подстраивается под внутренний мир. Всё, что приходит из искренности, откликается с лёгкостью. Главное — доверять этому внутреннему голосу больше, чем шуму снаружи.

Глава 4. Первое серьёзное решение

Ей было семнадцать. Общежитие, колледж, крошечная комната, в которой по вечерам наваливалось одиночество. Шум в коридорах, смех студентов, звонкая музыка из соседних комнат. А за закрытой дверью собственного уголка царила тишина и пустота.

Учёба давалась тяжело не потому, что была глупой. Просто мысли были заняты другим: где бы взять покушать, как быстро пробежать до колледжа чтобы не обморозить руки. Из коридора тянуло запахом свежей выпечки, от которого урчало в животе. Лекции сливались в серый поток, словно фон, по которому её сознание блуждало где-то далеко.

С каждым днём всё яснее звучала другая мысль: нужно работать. Нужны деньги. Не для роскоши, не для прихоти — а лишь чтобы купить еду, тёплую одежду, позволить себе хотя бы элементарный уют.

Семья помочь не могла. Мама жила в деревне, где и сама едва сводила концы с концами. Чувство безысходности крепло. Зимние вечера были особенно тяжёлыми. Ветер свистел в щелях окна, старый свитер не грел, а в животе пустота отзывалась глухой болью. Её казалось, что другие студенты после занятий идут в кафе, покупают что-то вкусное, а у неё не находилось даже мелочи на булочку.

Сначала пыталась себя обманывать: «Ничего, скоро станет легче. Потерплю». Но с каждой неделей ощущение тяжести росло. Чаще ловила себя на размышлениях: «Я не могу больше так. Я хочу изменить свою жизнь».

Сначала эта мысль показалась страшной, но вместе с тем и вдохновляющей. Именно тогда, в душе зародилось новое желание — сильное, взрослое, настоящее. Каждый вечер одни и те же образы крутились в голове, как заевшая пластинка.

Эти картинки были такими реальными, что казалось — они уже существуют. Это было не мечтой ребёнка, а внутренним решением — первым серьёзным решением в её жизни.

Осознание

Первое настоящее решение всегда похоже на внутреннюю встречу. Без зрителей, без аплодисментов. Просто ты и правда, от которой больше не спрячешься. Путь не всегда виден сразу, но первый шаг уже создаёт пространство для следующего.

Глава 5. Без билета

Учебный год закончился. Здание будто выдохнуло: коридоры стихли, общежитие стало напоминать пустой улей после отлёта пчёл. Студенты разъехались — кто домой, кто к родственникам, кто просто растворился в лете. В одной из комнат осталась лишь она, прислушиваясь к скрипу дверей и редким голосам издалека.

Перед ней стоял выбор: вернуться в деревню к маме — в знакомые стены, привычные разговоры и предсказуемые дни — или рискнуть и шагнуть в неизвестность. Сидя на кровати, обхватив колени, чувствовала, как сердце тянет вперёд, а разум шепчет: «Это безумие». Но глубоко внутри жила тихая, упрямая сила, будто кто-то невидимый мягко подталкивал её к дороге.

Решение пришло внезапно — не потому, что знала, куда идти, а потому что внутренний голос оказался громче страха. Руки потянулись к вещам, движения стали решительными, как будто всё было давно предрешиено. Дверь за спиной захлопнулась тихо, а впереди распахнулась дорога.

Денег не осталось даже на билет. Мысли метались, перебирая варианты: «А если выгнать? Высадят посреди незнакомых станций?» Но вместе с тревогой в груди жила упрямая уверенность: «Я всё равно доеду».

Электричка оказалась почти пустой. Устроилась в углу и крепко прижала к себе небольшой пакет. В первые минуты руки дрожали, воображение рисовало строгого контролёра, косые взгляды пассажиров, унижительные сцены. Но чем дольше поезд стучал колёсами, тем спокойнее становилось на душе.

Когда в проходе появилась фигура кондуктора, сердце заколотилось так, будто его мог услышать весь вагон. Наступил момент истины.

— Ваш билет, — спокойно произнесла женщина.

Она подняла глаза и тихо, почти выдохом, сказала:

— У меня нет билета. И денег тоже нет.

Слова слетели с губ легко, словно ждали этого мгновения. Не осталось ни оправданий, ни страха — только простая, обнажённая правда.

Женщина в форме смотрела строго. Несколько секунд тянулись вечностью, будто воздух между ними застыл. Потом её лицо смягчилось, взгляд потеплел.

— Куда тебе нужно?

Девушка назвала город и едва слышно добавила:

— Это очень важно.

Контролёр вздохнула, качнула головой и неожиданно сказала:

— Сиди спокойно. Едь.

В груди поднялось тёплое, благодарное чувство — будто судьба на мгновение наклонилась к ней и тихо поддержала.

Поезд шёл дальше. С каждой станцией прошлое отдалялось, а впереди проступало что-то новое. Когда состав остановился в нужном городе, шаги по перрону были неуверенными, колени подрагивали, но в душе расцветала тихая улыбка. Всё напоминало момент, когда птице открывают клетку: мир вокруг огромен, пугающе незнаком, но в нём звучит надежда.

Осознание

Иногда путь начинается не тогда, когда всё готово, а когда ты просто решаешь идти. Без билета, без гарантий, с дрожью внутри. Жизнь открывает дорогу шаг за шагом, тем кто идёт вперёд даже если страшно.

Глава 6. Отпечаток

В жизни чередовались вспышки света и затяжные тени. Но один эпизод прорезал время, оставив след не только в душе, но и на коже.

Любовь? Тогда она верила — да, это оно.

Внутри звучали уверенные, почти торжественные фразы: «Он чувствует то же. Он любит так же». Сердце отзывалось упрямой нежностью, дыхание сбивалось, мысли неумолимо возвращались к нему. Воображение дорисовывало каждый взгляд, каждое слово, превращая их в обещания. Из тонких нитей ожиданий сплеталась целая реальность — хрупкая, но сияющая. Она верила в неё, как ребёнок верит в утренний свет.

Потому боль оказалась оглушительной.

Он исчез без объяснений. Будто шагнул за кулисы, оставив её на пустой сцене. Невидимая петля стянула сердце.

«Почему? Что я сделала не так?» — мысли сводили с ума. Кто-то что-то сказал ему — и он поверил. Не спросил. Не выслушал. Просто растворился, оставив тишину, которая звенела громче любых слов.

Это не была трагедия снаружи. Вся катастрофа развернулась внутри.

«Я сама придумала... Я сама поверила...» — слова эхом разносились по телу. Лёд сковал вены, сердце стало чужим, как будто кто-то изнутри грубо разорвал ткань веры.

Три дня её сознание горело в собственном аду.

В голове вспыхивали сцены, которых никогда не было: догадки, обвинения, поиск виноватых — себя, его, обстоятельств. Отчаяние становилось живым зверем.

«Я не могу остановить это...!» — крик не сорвался с губ, но жил в каждом вдохе, в каждом дрожащем движении.

На третий день нереальный мир поглотил сознание целиком.

В руках оказалось лезвие. Оно скользнуло по коже, капли крови падали на холодную поверхность, будто маленькие рубины. Боль была мгновенной, острой, огненной. Это не было желанием уйти из жизни — только способом заглушить внутренний крик.

Шрам остался навсегда. Красный, живой, как память, как предупреждение. Сначала он пугал. «Каждый раз, когда она смотрела на руку... это отчаяние переживалось вновь».

Со временем пришло другое чувство. Понимание.

Этот след не про любовь и не про предательство. Он — про неконтролируемый поток мыслей, которые не удалось остановить вовремя.

Осознание

Мысли могут оживлять или убивать — не метафорически, а по-настоящему. Всё, чему ты долго отдаёшь внимание, становится частью тебя. И если не заметить этот процесс вовремя, разрушение начинается изнутри. Сила помнить: мысли не имеют власти, если не давать им разрастаться.

Глава 7. Урок доверия

Работа в магазине была привычной рутинной. И почти каждый день туда заходила одна семья — мама с девочкой — первоклашкой. Ребёнок влетал внутрь с рюкзаком за спиной, глаза сияли, полные света и энергии. Мать — пухленькая, с мягкой улыбкой, приветливая. Они здоровались, и ответ на это был естественным, тёплым.

Однажды девочка, потянула маму за руку, попросив привычное: булочку и сок. Женщина тяжело вздохнула и тихо сказала:

— Доченька, у нас сейчас нет денег. Папа уехал на заработки. Когда вернётся — всё купим.

Слова задели глубоко. В памяти вспыхнули собственные трудные годы.

Порыв сострадания вызвал ответ:

— Возьмите булочку и сок. Я запишу в тетрадь. Потом вернёте.

Покупательница улыбнулась благодарно. Так возникла привычка, которая скоро превратилась в ежедневное доверие.

Первые дни они брали только самое необходимое: хлеб, молоко, сахар. Казалось, мелочь, пустяк. Через две недели нужно было подвести подсчёт перед ревизией. Сложенные вместе суммы оказались огромными — больше зарплаты, почти в два с половиной раза.

Сердце сжалось. Что скажет хозяйка? Где взять такие деньги?

На следующий день та самая женщина пришла снова. Просьба закрыть долг вырвалась с губ. Но ответ был неожиданным:

— Никакого мужа нет. Я тебя обманула.

Всё внутри рухнуло. Но она не стала отчаиваться: «Остался один день. Нужно найти деньги. Я найду».

Вечером шаги сами свернули к дверям зала с мигающей вывеской. До сих пор остаётся загадкой, почему именно туда. Ведь ранее в таких местах никогда не приходилось бывать.

Заведение встретило шумом и огнями. Воздух был густым, наполненным смесью табака, перегретого электричеством воздуха и алкоголя. Люди толпились, спорили, смеялись, наблюдали. Всё было напряжённым и чужим.

В центре, за столом, сидел мужчина, старше. Уверенные движения, сосредоточенный взгляд, руки быстрые и точные. Казалось, удача держала его за плечо: он выигрывал снова и снова, толпа реагировала, то ахая, то гудя.

Она незаметно приблизилась ближе. Он поднял глаза, встретил её взгляд и произнёс спокойно

— Принеси виски со льдом.

Ноги послушно понесли к бару. Возвращение, стакан на стол — короткий кивок. И снова он углубился в игру.

Сознание билось о стену одной просьбы: помощи. Ровно столько, сколько нужно для кассы. Она стояла и повторяла эту фразу в голове непрерывно.

Первые ставки приносили победу. Потом удача отвернулась. Толпа шумела, смеялась, выкрикивала. Дыхание сбивалось.

— Ты должен остановиться!

В какой-то момент игрок крепко потянула за рукав:

— Постой рядом.

Тело дрожало, ладони немели, но шаг назад не последовал. Внутри звучала мантра: нужная сумма. Фишек оставалось все меньше.

Последняя ставка. Все затаили дыхание. Фишка упала — и победа! Крупный выигрыш. Игра продолжалась.

На обратном пути из уборной ей преградил дорогу мужчина. Крепкий, высокий, с тяжёлым взглядом.

— Хватит притворяться, — глухо произнёс он. — Ты с ним заодно.

Оцепенение. Она даже имени игрока не знала. Голос испуганно говорил отрывисто:

— Нет... я здесь впервые. Я вообще ничего не понимаю.

Он прищурился:

— Передай ему: если не уйдёте сейчас — всё плохо закончится.

Вернувшись к столу, девушка склонилась к мужчине, сердце от тревоги готово было выпрыгнуть.

— Нужно уходить. Нам угрожают.

Он встретил взгляд, молча кивнул и собрал выигрыш.

Снаружи здания вызвали такси, и вскоре машина подъехала к тротуару. Садясь в автомобиль, в тот самый момент, когда дверь за ней закрылась, её словно накрыло. В груди поднялась новая волна тревоги — не тот страх, что был минутами раньше о долге. Это было другое. Что-то более тяжёлое.

Попыталась заговорить: назвала своё имя, задала несколько простых вопросов — лишь бы разрядить напряжение. Но собеседник оставался серьёзен. Лицо замкнутое, взгляд прямой, слова короткие. Ни тени улыбки, ни малейшей попытки поддержать её лёгкость. С каждой секундой становилось всё холоднее внутри. Мысли метались в голове, одна за другой:

«Что я здесь делаю? Неужели я совершаю ошибку? А если всё не так?»

Не выдержав внутреннего монолога, спросила:

— Куда мы едем?

Он повернул голову и спокойно, без лишних эмоций, произнёс:

— В ресторан. Я хочу есть.

Эти слова не успокоили. Наоборот. Пока машина мчалась по ночному городу, улицы мелькали за окном, как в тумане. Попыталась задать ещё пару вопросов, но он отвечал односложно. В его голосе не было ни раздражения, ни дружелюбия — лишь холодное спокойствие, в котором не находилось опоры на лучший исход событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.